

Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 15–26.
Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 6 (105), pp. 15–26.

Научная статья
УДК 811.161.1'28
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-2>

Этнолингвистический комментарий к деривационно-фразеологическому гнезду слова *печь* в севернорусском диалектном дискурсе

Ирина Николаевна Дьячкова

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
gyla4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2869-8733>

Аннотация. В статье анализируются культурно-семантические особенности деривационно-фразеологического гнезда слова *печь* в севернорусских диалектах (преимущественно – в русских говорах Карелии и пограничных с ней регионов). На основе языковых данных автор реконструирует представление о печи в традиционной культуре Русского Севера, исследует наполнение деривационной парадигмы лексемы *печь*, определяет ее вторичные значения, связанные с освоением пространства вне дома. В работе продемонстрированы отображение в семантической структуре слова и его производных языческих представлений и практик, взаимодействие понятийных полей «печь» и «дом», «печь» и «семья».

Ключевые слова: этнолингвистический комментарий, севернорусские говоры, деривационно-фразеологическое гнездо, печь, Русский Север, традиционная культура

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017–2021 гг.

Для цитирования: Дьячкова И. Н. Этнолингвистический комментарий к деривационно-фразеологическому гнезду слова *печь* в севернорусском диалектном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 15–26. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-2>.

Ethnolinguistic commentary on the derivational-phraseological nest of a word *pech'* in the Northern Russian dialect discourse

Irina N. Dyachkova

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia,
gyla4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2869-8733>

Abstract. The article analyzes the cultural and semantic features of the derivational-phraseological nest of the word *pech'* in the Northern Russian dialects (mainly in the Russian dialects of Karelia and the border regions). Based on the linguistic data, the author reconstructs the idea of *pech'* in the traditional culture of the Russian North; analyzes the content of the derivational

paradigm for the lexeme *peč'*; determines its secondary meanings associated with the development of space outside the house. The article shows the reflection of pagan ideas and practices in the semantic structure of the word and its derivatives, the interaction between the conceptual fields of “*peč'*” and “house”, “*peč'*” and “family”.

Keywords: ethnolinguistic commentary, Northern Russian dialects, derivational-phraseological nest, *peč'*, Russian North, traditional culture

Acknowledgments. The research was conducted under the Programme for the Development of the flagship university FSBI of HE “Petrozavodsk State University” for the period of 2017–2021.

For citation: Dyachkova I. N. Ethnolinguistic commentary on the derivational-phraseological nest of a word *peč'* in the Northern Russian dialect discourse. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 6 (105), pp. 15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-2>.

Введение

Отражение духовной культуры народа в языке, выявление в его структуре представлений этноса о мире определяют исследовательское поле этнолингвистики – отдельной области языкознания, особенно активно развивающейся в последние десятилетия. Методологические принципы данного направления формулируются в трудах Н. И. Толстого, С. М. Толстой, А. В. Гуры, Т. И. Агапкиной, Т. И. Вендиной, Е. Л. Березович, М. Э. Рут и ряда других отечественных ученых. Изучая репрезентации языковой картины мира, лингвисты уделяют особое внимание диалектной речи, представляющей собой богатейший источник для получения информации о традиционной культуре этноса.

Характеризуя русскую диалектную лексику, Е. Л. Березович отмечает, что она, имея «самую большую в мире “зону покрытия”, отражает широчайший диапазон реалий окружающей действительности – от терминологии оленеводства на севере до названий бахчевых культур на юге»¹. Указанное обстоятельство объясняет, почему в процессе изучения семиотического пространства русской языковой культуры и на основе общенародного языка, и в случае обращения к говорам необходимо учитывать факторы территориального деления, связанные с историческими и лингвистическими особенностями.

Объектом исследования в нашей работе стало деривационно-фразеологическое гнездо лексемы *печь* в севернорусских говорах. Вслед за Е. Л. Березович термин *деривационно-фразеологическое гнездо* мы понимаем как «семантико-деривационный комплекс, в который входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова, а также фразеологизмы с его участием»². В процессе семантико-мотивационного анализа субстантива *печь* и его производных мы также опирались на разрабатываемые в трудах Е. Л. Березович представления о «вертикальной» и «горизонтальной» организации семантики слова, позволяющей увидеть не только смысловую иерархию в значении отдельно взятой лексической единицы, но и область ее семантического «рассеивания».

¹ Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. С. 5.

² Там же. С. 14.

Выбор объекта изучения обусловлен особой конструктивной и семиотической ролью печи в пространстве дома на Русском Севере. А. Б. Пермиловская отмечает, что в символике печи в традиционном севернорусском жилище совмещаются черты центра и границы. «Как вместилище приготавливаемой пищи и домашнего огня, она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия, метонимически может заменять дом в целом: дом без печи – нежилой дом»¹. Исследователи указывают на особое значение оппозиции «печь / красный угол» в планировке крестьянского дома. Характеризуя жилища поморов, А. В. Бородин отмечает, что красный угол в них традиционно «ассоциировался с востоком, указывая на полдень, на божью сторону, откуда идет свет, а печь – на запад или север, на тьму»². Изучавшая культурную символику деревянного зодчества на Русском Севере С. Т. Махлина полагает следующее: «Противопоставление печь – красный угол было материальным воплощением двоеверия в структуре русского жилища: религиозно-мифологический способ видения с четко разработанной дихотомией закрепил второй центр, красный угол, в противопоставлении языческому – печи»³. Разноаспектное представление роли печи в традиционной культуре славян, в том числе и на территории Русского Севера, описание ритуалов, верований, обычаев, связанных с ней, дается в словаре «Славянские древности»⁴ (автор статьи – А. Л. Топорков).

Собственно лингвистическая составляющая, опирающаяся на собранный нами, а также имеющийся в исследовательской литературе языковой материал, также репрезентирует особый статус печи в повседневно-бытовой и духовной культуре северного крестьянина. Указанный факт обосновывает необходимость специального изучения обозначенной проблемы.

Основная часть

Фактологической базой настоящей работы стали данные «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»⁵, «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова⁶, «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвы-

¹ Пермиловская А. Б. Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург: [б. и.], 2004. С. 18.

² Бородин А. В. Поморская иерархия мироздания // Человек. 2011. № 3. С. 171.

³ Махлина С. Т. Дом в пространстве русской народной художественной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 68.

⁴ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012.

⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.

⁶ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

соцкого¹, также использовался севернорусский материал, зафиксированный в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля² и «Словаре русских народных говоров»³. С целью сопоставления в отдельных случаях привлекаются информация из исторических словарей, словарей современного русского литературного языка, фольклорные и этнографические данные.

1. Употребление лексемы *печь* в изучаемых говорах характеризуется значительным разнообразием словообразовательных и ассоциативно-семантических связей. Так, если в современном русском литературном языке словообразовательное гнездо данного существительного отличается слабой развернутостью, включает в себя всего 8 производных, выражающих довольно ограниченный круг словообразовательных значений (*печка, печечка, печурка, печной, печник, запе[ч]э, припечек, подпечек*)⁴, то в анализируемых говорах соответствующая деривационная парадигма объединяет 49 лексических единиц (не считая семантических дериватов).

В составе гнезда выделяются неизвестные литературному языку словообразовательные типы производных с такими значениями, как ‘материал, из которого сделан предмет’: *печ/ин/а* ‘печная глина’. *Она угольки ест, а иные известку и печину колушают*. Карг. р-н, Арханг.⁵; ‘покрывающий печь внутри и снаружи слой глины’ Онеж. р-н, Арханг.⁶; *печ/ушник* ‘печной кирпич, кирпич из печи’. *Печушники, где печки от гумен были*. Бат. р-н, Новг.⁷; *печ/ень/я*, мн. ‘куски глины, осыпавшиеся с печи’. *Выпаши печенья, печь-то старая, разваливается, глина дак*. Медв. р-н, Карел.⁸; ‘обряд, названный по действию с предметом’: *печеранич*, м. В свадебном обряде: празднество, гуляние в доме жениха через неделю после свадьбы. *Печеранич: собирают народу, к жениху идут печки ронять, угощают водкой*. Кондоп. *Пахлебины больше к субботе и воскресенью, через неделю – печеранич*. Там

¹ Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / составитель А. О. Подвысоцкій. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. 198 с.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Цитадель, 1998.

³ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2012. Вып. 1–45.

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Москва: АСТ: Астрель, 2003. Т. 2. С. 349.

⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 498–499.

⁶ Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / составитель А. О. Подвысоцкій. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. С. 121.

⁷ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 501.

⁸ Там же. С. 498.

же.¹; ‘процесс создания / сооружения предмета’: *печнить*, несов. ‘класть печь’. *Сегодня печнил у сестры троюродной, такую печку сложил, хоть куда*. Чуд.²; *печничить*, несов. ‘то же, что печнить’. *Печничил, денег наживал да вина пил*. Медв.³ и др.

Достаточно широк круг описательных номинаций, называющих отдельные виды печей: *белая печь / печка* ‘печь с дымоходом и трубой’. Пуд., Вашк., Медв.; *черная печь* ‘печь без трубы, топящаяся по-черному’. Пуд., Кирил., Лод., Тихв.; *грязная печка* ‘то же, что черная печка’. Пуд.; *курная печка*. Пуд.; *рудная печь* ‘то же, что черная печь’. Пуд., Плес.; *саженная печь* ‘то же, что черная печь’. Пуд.; *битая печка* ‘печка, сложенная из глины’. Тихв.; *набивная печь* ‘печь, сложенная из глины’. Тер.; *паханая печка* ‘протопленная печь, в которой горячие угли сдвинуты к стенкам, а под выметен’. Лод., Пуд., Плес.; *столбоватая печь* ‘вертикальная печь цилиндрической или прямоугольной формы’. Пуд.; *печка-душегрейка* ‘маленькая печка’. Кириш.⁴

В словарях также зафиксирован целый ряд фразеологических оборотов, включающих в изучаемых диалектах слово *печь* и его производные: *на печи проезду нету* ‘о беспорядке, захламленности где-н.’ *На печи проезду нету, ничего не разобрать на этом столе*. Белом.; *одна печь не ходила* (по кому-н.) ‘о том, кого часто избивают’. *Была тут одна, чем ее муж ни бил, одна печь по ей не ходила*. Подп.; *с плеч да в печь* ‘о нежелании заготовить что-н. впрок’. *О тоска, с плеч да в печь. Никогда заране не наколет*. Тер.; *солона печь* ‘об очень теплом дне’. *Солона печь-то день сегодня*. Пуд.; *черту на печь не закинуть* ‘очень много чего-н.’. *Денег-то черту на печь не закинуть*. Тер.⁵

Важно отметить, что в числе выявленных дериватов существительного *печь* особенно актуализированы номинации, называющие ее части. В нашем материале к ним относятся 20 лексем (*запечек, опечек, печок, печурок, подпечь, подпечник, припечек* и др.). Так, например, диапазон значений слова *опечек* (с вариантами *о/печ/к/а, о/печ/к/и*) выглядит следующим образом: 1) ‘деревянный фундамент, основание русской печи’ Кириш., Белоз., Баб., Подп., Карг., Повсем.; 2) ‘сторона печи без очага’ Пуд., Волх., Тихв., Бокс.; 3) ‘сторона печи над очагом (передняя часть печи)’ Бокс.; 4) ‘углубление в наружной стене печи, куда кладут разные вещи для просушки, печурка’ Лод., Медв., Выт., Прион., Тер., Тихв., Шексн.; 5) ‘дымовое отверстие в стенке печи для самоварной трубы’ Тер., Онеж.; 6) ‘выступ, окаймляющий верхнюю часть печи’ Медв., Онеж., Выт., Тер., Пуд., Карг., Прион.; 7) ‘железный лист на полу перед топкой’ Карг.⁶

¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 498.

² Там же. С. 500.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 499–502.

⁵ Там же. С. 502–503.

⁶ Там же. С. 210–211.

Отметим, что данная группа может быть существенно расширена при обращении к диалектным фактам, представленным в работах Е. Л. Березович. Изучая «семейные» образы в номинации печи и печного пространства, она приводит следующие наименования, встречающиеся в севернорусских говорах: арх., ярсл. *матка* ‘свод русской печи’; арх. *матица* ‘низ печи’; арх. *баба, бабка* ‘деревянное основание глинобитной русской печи’; арх. *детеныш* ‘чугунная вьюшка для закрывания печи’, *детёнок* ‘плоская, меньшая вьюшка в печной трубе’; олон. *свёкор* ‘внешняя часть печи, на которой держится воронец (брус, идущий наверху вдоль стен избы)’¹.

Несмотря на то что вышеуказанные примеры выходят за рамки деривационной парадигмы изучаемого слова, это дополнение для нас существенно. Стремление к лексико-словообразовательной детализации конструктивных элементов печи (как, впрочем, и других понятийных полей, с ней связанных) подчеркивает ее важный культурный статус в сознании носителей диалекта, поскольку, как отмечает Ю. С. Степанов, «чем важнее в культурном отношении предмет, тем более он параметризован»². Подобную мысль высказывает Т. И. Вендина, утверждая следующее: в говорах прежде всего «семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для человека практическую ценность в повседневной жизни»³.

2. Помимо количественных расхождений с общенародным языком, изучаемое деривационно-фразеологическое поле в севернорусских говорах отличается рядом значений, практически не встречающихся на других территориях. Так, употребление лексемы *печь* в медвежьегорских говорах Карелии в значении ‘подводная скала’ является результатом метафорического переноса (*Еще бывает печь, это щелья, вроде печи, высокая, с обрывом, а кругом место глубокое, короче сказать, скалы это под водой*⁴). Источником номинации в данном случае, по всей видимости, служит перенос по сходству формы, это отражено в приведенной иллюстрации. Несмотря на то что производность указанного значения, на наш взгляд, очевидна, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» упомянутая лексема дается в отдельной словарной статье. Отметим, что аналогичные употребления, только в отношении лексем *печка* и *печище*, приводятся в «Словаре русских народных говоров» иначе – в составе производных значений этих слов: *печка* ‘нагромождение камней на дне озера’ (мн.) Пск., ‘сторона проруби, куда сгребается лед’ (сами скопления этого льда). *Печка* – лед срубленный, выкидывается на сторону; где изволака и поддача, там большие печки. Калинин., Новг.; *печище* ‘нагромождение камней, выход

¹ Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. С. 258.

² Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2001. С. 552.

³ Вендина Т. И. О смысловой структуре языка традиционной духовной культуры // Славянский мир в третьем тысячелетии: сборник статей / под редакцией Е. С. Узеневой. Москва: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 338.

⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 502.

камня на дне озера' Пск., 'каменистое дно озера с ямами и выступами' Пск.¹ В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» обнаруживаем следующее: *печно*, с. 'груда, кучи камней, вывезенных с поля, луга'. *А печно – это когда камни с поля на берег сроят, так вот это печно и есть*. Бат.²; *печка* 'самое мелкое место озерной мели'. *Луды – мелкие места на озере, рыбачат у нас на лудах. Самое мелкое место луды – печка*. Медв.³ По нашим данным, указанное развитие семантики слова *печь* и его дериватов фиксируется только на территории севернорусских говоров.

Аналогичные факты для других общерусских и диалектных лексем, в первичном значении номинирующих пространство дома, а в севернорусских говорах функционирующих как метафоры для названий гео- и гидрообъектов, приводит в своих работах О. А. Теуш. См., например: *колодец* – небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., С.-Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл., Пышуг.); *ворота* – узкий морской пролив, где бывает сильное течение; клинья леса, с двух сторон вдающиеся в болото (Арх.: Мез.); *шóлныша* – узкий сухой участок на болоте (Арх.: Холм.).⁴ Эти и другие данные, приведенные исследователем, а также обнаруженное употребление субстантива *печь* подтверждают мысль, что «метафорическое видение пространства, отраженное в географической терминологии Русского Севера, многосторонне отражает все элементы крестьянского быта, мир, ориентированный на собственное хозяйство, замкнутый на доме и человеке, живущем в нем»⁵.

Заметим, однако, что, несмотря на то что данные примеры относятся к севернорусскому диалектному ареалу, мотивационная модель, которая в них представлена, обладает универсальным характером. В частности, аналогичным путем еще в общеславянском языке появилось такое наименование, как *пещера / печера / печора*, букв. 'сходная с печью', 'похожая на печь'. По-видимому, образу 'камня / каменного массива с углублением' обязано своим появлением и отмеченное в терских говорах метафорическое употребление слова *печка* в значении 'круглый камень с дырой посредине': *Камень есть печка, круглый, как печка, а в середине дыра*. Тер.⁶

¹ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1992. Вып. 27. С. 7.

² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 500.

³ Там же. С. 499.

⁴ Теуш О. А. Образ русского крестьянского дома в географическом пространстве // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XV Международной научно-практической конференции (г. Челябинск, 15 мая 2019 г.) / под редакцией П. Б. Уварова. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2019. С. 248.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 4. С. 499.

3. Семантический анализ слова *печь* и его производных показывает, что в севернорусских говорах образ печи в качестве мотивационного признака может становиться изоморфным образу дома. Например, следует принять во внимание такие диалектные лексемы, синонимичные литературному *домосед*, как *запечельник*, *запеченник*, *запечерина* ‘о нелюдимом человеке, домоседе’. *Никуда он не ходит, запечельник*. Подп., Пуд.¹; *Да ты, что запечерина, лежишь на печке*. Лод.² Дериваты, обусловленные буквальной мотивацией ‘тот, кто находится за печью, прячется за ней’, посредством этого признака указывают на поведенческую особенность человека, предпочитающего проводить время дома, не любящего быть на людях. Сравним производные (с аналогичным значением) уже от корня *дом-*, образованные по той же мотивационной модели, представленные в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей»: *домаха* ‘тот, кто предпочитает проводить свободное время дома, домосед’. *Внучка у меня домаха, никуда не ходит, все дома сидит*. Подп. *Я домаха такая, дома сижу*. Кириш. *Домаха, это женщину называют так, кошечку, собаку, ой, говорят, она у нас и домаха*. Тихв.³

Интересно в этом отношении отметить и зафиксированное в медвежьегорских говорах имя мифологического существа, духа дома (*запечельница*, *запечельная ма-ра*), этимология которого также обнаруживает связь с печью: *А за печкой жила запечельница, и говорят: положи пряжу благословясь, а то придет запечельница*⁴. Отождествление печи и дома находит отражение и в одинаковом именовании их конструктивных частей (так, *матица* в архангельских говорах обозначает и ‘потолочный брус’, и ‘низ печи’). Образ дома опосредованно представлен, на наш взгляд, и во внутренней форме фразеологизма *в грязной печи*, что значит ‘в бедности’, отмеченного в пудожских говорах: *Она росла в грязной печи, да замуж вышла в грязную*⁵.

Особого комментария в аспекте традиционных представлений о печи и доме требует зафиксированная в кондопожских говорах лексема *печеранич*, внутренняя форма которой хотя и представляется прозрачной на фоне словарной иллюстрации, однако нуждается в культурологической справке, поскольку сама по себе не проясняет, с какой целью в последний день свадьбы ломали или угрожали сломать печи. *Печеранич*, м. В свадебном обряде: празднество, гуляние в доме жениха через неделю после свадьбы. *Печеранич: собирают народу, к жениху идут печи ронять, угощают водкой*. Кондоп. *Пахлебины больше к субботе и воскресенью, через неделю – печеранич*. Там же.⁶ А. В. Гура говорит о том, что обычай / мотив ломания печи в процессе свадебного обряда был известен не только на Русском Севере, но и на тер-

¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. Вып. 2. С. 173.

² Там же. С. 174.

³ Там же. Вып. 1. С. 481–482.

⁴ Там же. Вып. 2. С. 173.

⁵ Там же. Вып. 4. С. 502.

⁶ Там же. Вып. 4. С. 498.

ритории Полесья, а также у некоторых западных славян: «Обычай ломать печь в конце свадьбы (иногда в виде мотива) известен у русских Заонежья (печь ронять), в житомирском Полесье (в случае «нечестности» невесты), а также в Словакии (Гемер и р-н Тренчина) и в юго-западной Чехии»¹. Ученый отмечает следующее: «печеро-нение», отпиливание трубы, а также другие схожие ритуальные действия с печью в разных славянских культурах могли происходить и в доме жениха, и в доме невесты. В русской свадьбе Заонежья обряд «ронять печи» выглядел так (К. К. Логинов): «Когда родители невесты приезжали на хлебины к родителям жениха, отец невесты в шутку говорил, что приехал к зятю печку сломать: “Что это у зятя печка стоит не сломана?” На это сват (отец жениха) отвечал: “Ладно уж сватушков напоим, накормим, уж не ломай печки”»². Предположим, что глубинное значение данного ритуала отражает языческий мотив противоборства двух домов (=семей), представленного в традиции практически всех славянских народов³. В таком контексте угроза уронить печь в доме жениха, возможно, становится последней репликой семьи невесты в этой «схватке», где образ печи как олицетворения дома играет ключевое значение.

4. Отождествление печи и дома в севернорусской культуре репрезентируется, как мы полагаем, и в содержании лексемы *печище*, которая в XVI–XVII вв. приобрела на Русском Севере значение ‘небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи, общины’, а также ‘земельное угодье, принадлежащее этой деревне’⁴. По данным «Словаря русских народных говоров», в значении ‘место, где когда-то было жилье, деревня’ данная номинация известна олонекским, архангельским, вологодским, ярославским, калининским, московским говорам⁵; в значении ‘одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением’, ‘общее владение, принадлежащее нескольким хозяевам, носящим одну фамилию’ – пинежским⁶. А. В. Приображенский также свидетельствует о ее использовании в беломорских говорах в значении ‘сенокосное угодье’⁷. О. С. Смирнова отмечает, что к тому же источнику восходит пинежское слово *пя-тище* ‘участок земли (пахотной или сенокосной), которым владеют несколько хозяев’⁸, однако внутренняя форма этой лексемы утратила ясность в результате фонети-

¹ Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва: Индрик, 2011. С. 780.

² Там же. С. 538.

³ Подробнее об этом см.: Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва: Индрик, 2011. С. 645–649.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. / под редакцией С. Г. Бархударова. Москва: Наука, 1989. Вып. 15: Перст–Подмышка. С. 40.

⁵ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1992. Вып. 27. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Приображенский А. В. Русская микротопонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников // Севернорусские говоры. 2014. Вып. 13. С. 193.

⁸ Смирнова О. С. К вопросу о внутренней форме диалектных полеводческих терминов // Этимологические исследования: сборник научных трудов / под редакцией Е. Л. Березович. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. Вып. 8. С. 209.

ческих изменений. Добавим, что на Русском Севере широкая употребительность лексемы *печище* подтверждается в том числе многочисленными топонимическими данными, зафиксированными в письменных памятниках и на сегодняшний день существующими на географической карте¹.

Связь истоков слова *печище* с родовым землевладением, когда деревню составляли 2–3 или более родственных семей-дворов², позволяет реконструировать внутреннюю форму данной лексемы как ‘общность людей, объединенных одной печью (родным очагом)’. Суффикс *-ищ-* в таком случае, помимо семантики увеличительности, ассоциирующей с большой семьей-деревней, приобретает еще и собирательное значение.

Выводы

Культурно-семантический анализ слова *печь* и его производных в севернорусских говорах подтверждает особую значимость данного артефакта на Русском Севере. В количественном отношении это проявляется в развернутости словообразовательной парадигмы лексемы (особенно в части, называющей виды печей и их элементы), в активном использовании ее в идиомах. Образ печи становится на севере источником вторичных номинаций, отражающих его перенос на объекты, находящиеся вне пространства дома (элементы гео-, гидроландшафта, в некоторых случаях – продукты деятельности самого человека). Ярко проявляется в севернорусской диалектной картине мира и взаимодействие таких понятийных полей, как «печь» и «дом», «печь» и «семья», в некоторых случаях приводящее к их семантико-мотивационному отождествлению. Языческие корни подобного восприятия сохраняются в исследуемых говорах в номинации свадебного обряда *печеранич*, именовании домового *запечельница*, внутренняя форма которых восстанавливается на основе обнаруженных культурных коннотаций.

Список источников

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 487 с.

Бородина А. Б. Поморская иерархия мироздания // Человек. 2011. № 3. С. 169–175.

Вендина Т. И. О смысловой структуре языка традиционной духовной культуры // Славянский мир в третьем тысячелетии: сборник статей / под редакцией Е. С. Узеновой. Москва: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 334–344.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва: Индрик, 2011. 936 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Цитадель, 1998.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

¹ Приображенский А. В. Русская микропонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников // Севернорусские говоры. 2014. Вып. 13. С. 193–197.

² Там же. С. 196.

Махлина С. Т. Дом в пространстве русской народной художественной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 65–69.

Пермиловская А. Б. Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург: [б. и.], 2004. 21 с.

Приображенский А. В. Русская микротопонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников // Севернорусские говоры. 2014. Вып. 13. С. 182–198.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012.

Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / составитель А. О. Подвысоцкій. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. 198 с.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / под редакцией А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.

Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

Смирнова О. С. К вопросу о внутренней форме диалектных полевых терминов // Этимологические исследования: сборник научных трудов / под редакцией Е. Л. Березович. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. Вып. 8. С. 207–215.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2001. 989 с.

Теуш О. А. Образ русского крестьянского дома в географическом пространстве // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XV Международной научно-практической конференции (г. Челябинск, 15 мая 2019 г.) / под редакцией П. Б. Уварова. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2019. С. 247–255.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Москва: АСТ: Астрель, 2003. Т. 2. 941 с.

References

Berezovich E. L. *Russkaia leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian vocabulary in the Common Slavic background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2014. 487 p.

Borodina A. B. *Pomorskaia ierarkhiia mirozdan'ia* [Pomor hierarchy of the universe]. *Chelovek* [The Human Being], 2011, no. 3, pp. 169–175.

Vendina T. I. *O smyslovoi strukture iazyka traditsionnoi dukhovnoi kul'tury* [On the semantic structure of the language of traditional spiritual culture]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii: sbornik statei* [Slavic world in the third millennium: collection of articles; ed. by E. S. Uzeneva]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2012, pp. 334–344.

Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism]. Moscow: Indrik, 2011. 936 p.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow: Tsitadel', 1998.

Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor Language in its everyday and ethnographic application]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2011. 455 p.

Makhlina S. T. *Dom v prostranstve russkoi narodnoi khudozhestvennoi kul'tury* [The house in

the space of Russian folk art culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture], 2015, no. 4 (25), pp. 65–69.

Permilovskaia A. B. *Semantika krest'ianskogo doma v kul'ture Russkogo Severa (XIX – nach. XX vv.)* [Semantics of a peasant house in the culture of the Russian North (XIX – early XX centuries): Abstract Cand. thesis in Culturology]. St Petersburg, 2004. 21 p.

Priobrazhenskii A. V. *Russkaia mikrotoponimiiia Karel'skogo Pomor'ia po dannym pis'mennykh i polevykh istochnikov* [Russian microtoponymy of Karelian Pomorye according to written and field sources]. *Severnorusskie govory* [North Russian dialects], 2014, iss. 13, pp. 182–198.

Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.; ed. by N. I. Tolstoi]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2012.

Slovar' oblastnogo arkhangel'skago narŕchiia v" ego bytovom" i etnograficheskom" primŕnenii [The dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application; compiled by A. O. Podvysotskii]. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk", 1885. 198 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei: v 6 vyp. [Dictionary of Russian dialects of Karelia and neighboring regions: in 6 issues; ed. by A. S. Gerd]. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–2021, iss. 1–52.

Smirnova O. S. K voprosu o vnutrennei forme dialektnykh polevodcheskikh terminov [On the internal form of dialect field terms]. *Etimologicheskie issledovaniia: sbornik nauchnykh trudov* [Etymological studies: collection of scientific works; ed. by E. L. Berezovich]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2003, iss. 8, pp. 207–215.

Stepanov Iu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 989 p.

Teush O. A. *Obraz russkogo krest'ianskogo doma v geograficheskom prostranstve* [The image of the Russian peasant house in geographical space]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 15 maia 2019 g.)* [Traditional societies: unknown past: proceedings of the XV International research and practice conference (Chelyabinsk, May 15, 2019); ed. by P. B. Uvarov]. Cheliabinsk: Izdatel'stvo Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, 2019, pp. 247–255.

Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka: v 2 t.* [Word-building dictionary of the Russian language: in 2 vols.]. Moscow: AST: Astrel', 2003, vol. 2. 941 p.

Сведения об авторах

Ирина Николаевна Дьячкова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-2869-8733>, gyla4@yandex.ru, Петрозаводский государственный университет (д. 33, пр-т Ленина, 185035 г. Петрозаводск, Россия); **Irina N. Dyachkova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-2869-8733>, gyla4@yandex.ru, Petrozavodsk State University (33, Lenin pr., 185035 Petrozavodsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; Approved after reviewing 18.10.2021; Accepted for publication 29.10.2021.